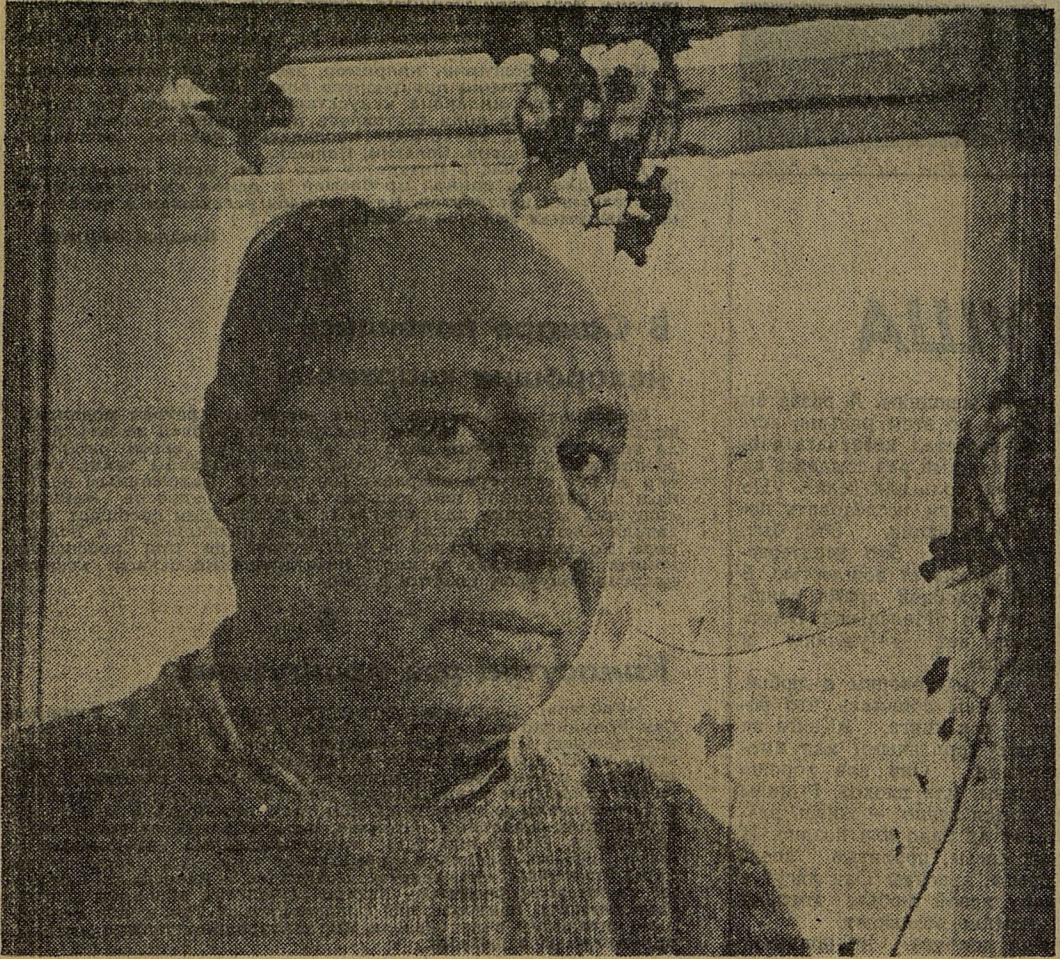

Виталий Мельников:

Смоленск - в Петербург - 1992. - 29 февр

ВСЕ МЫ — ИЗ «ДЕТСКОГО ДОМА»...

ПОСМОТРЕЛ я на днях «Чичу», милую кинокомедию — о тихом, скромном и очень добром человеке. Этаким современным гибриде из Чонкина и Башмакина: солист ансамбля песни и пляски, он всю жизнь пел не своим голосом... Киноистория смешная, трогательная и одновременно очень грустная — о том, как опасно в нашем обществе выделяться из общего ряда, из общей массы, как пагубно для личности, если она изменяет самой себе... В общем, взволнованный кинолентой, пришел к ее создателю — народному артисту России Виталию МЕЛЬНИКОВУ...

— Виталий Вячеславович, а ведь «Чича» — вовсе не кинокомедия в чистом виде. Во всяком случае, финал у смотра с комком в горле. Кстати, какой это по счету у вас фильм?

— Пятнадцатый с половиной.

— «С половиной» — это как?

— Первой на «Ленфильме» была у меня короткометражка «Барбос в гостях у Бобика» — как раз сойдет за полновесную. Ну а ваше впечатление от «Чичи», к комку в горле, — именно то, о чем мечтал... Между прочим, у этой картины есть предшественник: «Уникум» — по повести Житинского «Снюсь», где рассказывалось о человеке, который вдруг обнаружил у себя способность сниться другим. А получилось из этого в конце концов то, что реализовать себя человек не смог, дар свой растратил по пустякам. Увы, «Уникум» снял я не вовремя: тогда у нас очень боялись всяких «аллюзий», намеков. Уже то, что герой мог сниться другим, у начальства — и «Ленфильма», и того, что выше, вызывало странные подозрения, беспокойство: «Почему это к вашему герою пристают с просьбой, чтоб он приснился «получше»? Значит, реальная советская действительность их не устраивает? Значит, желают во сне отключиться от наших героических

будней?» И картину на всех «уровнях», как тогда было принято, потихонечку трогали, гробили... А я уступал, уступал, наивно веря в то, что «уж главное-то сохраним». Смешно... Конечно, само намерение сделать в восьмидесятилетие сатирическую картину было идиотизмом. Думал: прощайтесь, как-нибудь. Не прощайтесь — не то время...

— И вот «Чича» на новом витке возвращает нас к этой же теме: невостребованный талант, самоуничтожение таланта...

— В самом человеке у нас воспитывается нечто такое, что заставляет его остерегаться, «не выделяться» — это ведь почти в каждом из нас сидит. Был у меня приятель-испанец, из тех испанских детей, которых привезли сюда в тридцать шестом. Когда спустя годы уезжал на родину, сказал мне: «Знаешь, Виталий, как буду в Испании вспоминать Советский Союз? Как большой детский дом, где есть воспитатели и воспитанники, у кого — койка, одинаковая одежда, прогулки вместе и в одно время...» Да, все мы — из «детского дома». Грустно...

— Как же вам и некоторым из ваших коллег удавалось в этом «детском доме», в брежневские времена, делать честные фильмы?

— Важно было найти свою

нишу, где можно честно (или относительно честно) все-таки говорить правду и всерьез исследовать жизнь такую, какая она есть. Поэтому все эти годы в нашем обкоме партии лично я ходил в «мелкотемничках»: ведь на фоне всех «свершений» все время снимал картины про так называемых «маленьких людей» — про «Ксению, любимую жену Федора», про Александру из «Здравствуй и прощай», про ксенью невест ефрейтора Збруева»...

— И что, обком с «мелкотемничком» примирился?

— Если бы так! Лишь один пример. Посмотрев картину «Мама вышла замуж», секретарь по идеологии Круглова вздохнула: «Виталий Вячеславович, ну как же можно так принижать рабочий класс!» — «А что такое?» — «Ну как же! Ваши девушки на стройке в обиденный перерыв загорают полураздетые, в одних комбинезонах!» — «Что же им — купальные костюмы с собой принести?» — «И потом, каким грубым языком они у вас говорят!» — «Нормальным языком, современным». — «И о чем говорят? Все о каких-то пустяках!» — «Ничего себе «пустяки»: как выйти замуж, как получить квартиру». — «Да, Виталий Вячеславович, трудно вас убедить, трудно...» Распрошавшись с секретарем обкома, и буквально через пару дней в «Ленинградской правде» по поводу моей картины (которая, кстати, еще не демонстрировалась ни в одном кинотеатре) — разгромная статья: «Диагонали любви на экране» (до сих пор не могу понять смысла этих слов). Причем крушит меня рецензент, естественно, словами Кругловой: и про то, что я «истончил светлого будущего», и про то, что «взял со всем «не того» артиста — Олега Дала, чья судьба уже сама по себе — драматическая, противоречивая».

выпустили. Тут же «мнение обкома» передал в Госкино, поэтому тамошние чиновники во время обсуждения фильма тоже выступали «по-кругловски». В словах не стеснялись. И вот когда в адрес главного героя из уст очередного оратора раздалось: «Тупой! Алкаш! Идиот!» — из затемненного угла вдруг поднялся неким до этого не замеченный Олег Ефремов (снявшийся как раз в главной роли) и сказал: «Что за выражения?! Меня только что правительство назначило художественным руководителем МХАТа!» Оратор поперхнулся. Возникла почти немая сцена из «Ревизора»...

— Неужто обком не попытался вас, так сказать, приручить? Неужто ни разу не предложил сделать фильм по всем канонам соцреализма, на «кижнюю» тему?

— Никогда. Уже после картины «Мама вышла замуж» я был для них безнадежен.

— Но ведь первая ваша картина, «Начальник Чукотки», помнится, была отмечена призом «Алая гвоздика», который ЦК ВЛКСМ учредил к пятидесятилетию комсомола...

— Они же ее не поняли! Они же сначала приняли ее за историко-революционный фильм, вроде «Неуловимых мстителей». Совершенно не восприняли иронического оттенка всей этой истории. Кстати, картина и сейчас актуальна: разве ныне кое-кто у нас не пытается опять «строить социализм» — ну, скажем, в одном отдельном взводе кооператива...

— В семидесятом году из командировки в Сибирь я привез очерк о двух молодых, тогда здесь еще никому не известных талантах — Вампилове и Распутине. Однако опубликовать очерк на неясных берегах оказалось невозможным. Редакционное начальство было непреклонно: «Небось очередные графоманы, а ты им поешь дифирамбы...» Пришлось ждать, пока Вампилов утонет, пока и того и другого признают официально... Поэтому не скрою, Виталий Вячеславович, мне дорого, что два фильма по Вампилову сняли именно вы...

— Вампиловская драматургия — это совершенно мой материал, там для меня — все родное, ведь я — тоже из сибирских краев. Так что снимать «Старшего сына» было мне просто, ясно, весело. И так уж бывает: если драматургия настоящая, то вдруг со всех сторон как бы сами собой появляются хорошие артисты. Вот и со Светланой Крючковой тогда познакомился. Вот и Боярский с Караченцовым у меня тогда впервые с экрана запылились. А с «Утиной охотой» было все плохо...

— Вы «Утиную охоту» переименовали в «Отпуск в сентябре» с умыслом? Чтобы не «дразнить гусей»?

— Ну да, по наивности понадеялся хоть таким образом притупить бдительность теленачальства (снимал-то для телевидения). Поскольку «Старший сын» получился мелодрамой, теленачальники решили, что и тут опять будет мелодрама, что я мне подведу. А я «подвел». И прежде всего «подвел» потому, что взял совсем «не того» артиста — Олега Дала, чья судьба уже сама по себе — драматическая, противоречивая

взя. Человек — именно этого времени, мятущийся, ни во что не верящий. Поэтому фильм на корню оказался для них неприемлемым. Долго обманывали: «Вот-вот выпустим на экран. Только пройдет юбилей — и выпустим...» Еще через месяц: «Непременно выпустим, но сейчас не время — приезжает Жискар д'Эстен...» Еще через полгода: «Фильм превосходный, но сейчас вреден, мы же всей страной боремся с пьянством...»

— Сколько же его не выпускали?

— Восемь лет.

— Когда вы фильм наконец увидели, Дала на белом свете уже не было. А на экране он — живой, в траурном венке Зилова. Ну просто мистика! И все-таки непонятно: за что столько лет держали картину на полке? Ведь в театре-то «Утиная охота» шла...

— Я тоже не мог этого понять. Однажды дозвонился до Лапина, председателя Госгелерадио: «Почему «арестовали» мою картину?» А он: «А вы сами не понимаете, почему? Тогда подумайте хорошенько». И весь разговор...

— Слава Богу, хоть эту проблему перестройка решила. Но, наверно, принесла вам она проблемы какие-то иные?

— Принесла. Например, «Царскую охоту», пока снимал, здесь, в студии, закрывали четырежды! Почему? Да потому, что наступила демократия, свобода для простого, трудящегося человека, и просто трудящийся не желает делать сложные декорации, готовить сложный реквизит, шить сложные костюмы. Зачем себя так напрягать? Ведь вместо «Царской охоты» можно сварганить картину, где всего два героя, вся декорация — подворотня, весь сюжет — раскрытие убийства: просто, быстро, и смотреть будет! Мы ведь долго не делали так называемых «постановочных» картин. По разным причинам. Одна из них: власти постоянно требовали, чтобы фильмы были не «безыдейные», не «развлекательные», а «наполненные смыслом». А если «постановочный» исторический фильм, то представляете, каким смыслом он должен был быть наполнен! О ком бы снимали, хоть о Царе Горохе — все равно красной нитью там должна проходить мысль о «классовой борьбе». Обычные исторические фильмы становились у нас «к дате»: если, допустим, портились отношения с Польшей, мы срочно снимали «Война Хмельницкого», если в воздухе пахло грозой — «Александра Невского». Так вот, еще в восьмидесяти годах, будучи руководителем ленфильмовского телевизионного объединения, я предложил Гостелерадио сделать серию фильмов, посвященных истории России. Не нудных, не просто пересказывающих какие-то события, а занимательных, жанрово разнообразных, построенных на какой-либо яркой личности, даже — историческом анекдоте, курьезном случае. Ведь в истории Руси было такое, что и никакому Шекспиру не снилось! Но мою идею, естественно, отвергли, и вот только «Царскую охоту», потом, в годы перестройки, удалось осуществить. Но ее стали бить уже с другого конца: «Слишком дорого, слишком хлопотно». Так что препятствия в нашем деле, видимо, будут всегда. Я даже ду-

маю: «Может, они и должны были быть?» Ведь кое-кто из наших режиссеров от отсутствия привычных идеологических препятствий уже увал. Всю жизнь вроде — сражался, вроде — фрондировал, а сейчас вдруг — не с кем! А больше сказать человеку нечего, не накопилось...

— Так что же, теперь на «Ленфильме» вместо диктата обкома — диктат рабочего класса?

— Я бы сказал: замаскированный диктат деловых людей. Ведь кто у нас обычно выступает от имени трудового коллектива? (Я имею в виду не только «Ленфильм», а всю нашу сегодняшнюю жизнь). Вчерашние же функционеры. Та же дирекция, в том же составе. Те же люди, которые не сколько трансформировались, изменили названия учреждений, должностей. И они будут существовать — пока будет существовать эта система, пока не изменится законодательство, пока не появится новый человек. Ведь за семьдесят четыре года мы — уже третье поколение «детдомовцев», которые привыкли к своим мистикам с гарантированной подхлебкой. Нас воспитали так, чтобы ни о чем лишнем не думали, чтобы вовремя кричали «ура!», чтобы советскую власть если и ругали, то тихо, на кухне... Примерных «детдомовцев» еще, увы, миллионы. Вот вчера смотрел по телевизору митинг на Манежной и был потрясен: какие озлобленные лица! Неужели эти люди всерьез думают, что можно всерьез родить Советский Союз, коммунистическую партию, вернуть всю ту прежнюю фантазмагорию? Нет, едва ли верят в это. Почему же так беснуется? Наверное, им важна не конечная цель, им важно расшатать то новое, что хоть чуть-чуть начинает проклевываться, нащупываться. Утопить это новое в болтовне, в подозрительности, в ненависти. Помните обезображенную злобой физиономию: «Я лично готов расстрелять Ельцина и все его правительство!» Страшная агрессивность, которую мы долгие годы называли «патриотизмом», идеальной убежденностью. Увы, мы не меняемся.

— Не хочется снять о таких «кораторах» фильм?

— Не хочется. Эти игры мне неведомы. Давно уже пора не искать виновников в своих бедах, а созидать. Тихо, без лозунгов. И каждому — конкретно — нести ответственность за свое дело... Вот вчера в Москве, на Манежной и других площадях, да и в Питере тоже, люди толпились, вопили, а в это же самое время американцы загружали тушенкой самолеты, чтобы поскорее отправить «гуманитарную помощь» неистовым «кораторам». Забавно, верно?

— А о чем, по-вашему, надо снимать сейчас?

— Пожалуй, главная задача нашего кинематографа — помочь человеку обрести чувство собственного достоинства. Вот об этом.

— Ну хорошо, сделаете вы такую ленту, а мы ее снова в прокате не увидим. Там теперь сплошь американские и прочие «хитовые» картины, причем часто — третьесортные...

— Наш кинопрокат всегда считался идеологической организацией: репертуар там ре-

гулировали. Теперь тоже регулируют, но уже — исходя из коммерческих соображений. У каждого государства есть какие-то защитные меры, которые охраняют отечественную культуру. Скажем, во Франции, чтобы показывать иностранную картину в стране, ты должен взять дорогостоящую лицензию. Японцы вообще заграничные фильмы не пускают на порог: покупают видеокассеты и смотрят дома. А что сделали мы? Мы позволили некоему предпринимателю, дельцу, который сначала торговал гвоздикой, а потом решил заняться киноискусством, закупить сто пятьдесят дешевых, давно вышедших из употребления на Западе фильмов и залпом выпустить их на наш киноэкран. И тем самым напрочь отринуть все отечественное кино! Все!

— А люди в кинозалах день за днем под видом духовной пищи потребляют муру, примитива, а иногда — и откровенную пошлятину. Впрочем, и наши киношники такого же понаделали предостаточно — разной «чернухи», «порнухи»... И воспитывает душу на подобных «шедеврах» наш «самый лучший в мире зритель»...

— И кино, и пресса сыграла, по-моему, очень большую роль во всеобщем остервенении нашего общества. Ведь что такое кино для советского человека, который воспитан на родных лентах, на этих заученных кинокассетах — с их единообразием, единой моралью? Предмет для подражания — он к этому давно привык. Помните «товарища Василия» из дилогии о Ленине, которую снял Ромм? Так вот, перед войной коллектив какого-то завода совершенно серьезно выдвинул «товарища Василия» в депутаты Верховного Совета. То есть границы между кино и жизнью очень многие не признавали. Это стремление — подражать киногерою — существует и сегодня... И по-прежнему живет в людях святая вера не только в кино, но и в прессу. А ведь человек, приученный беспрекословно верить слову — и экранному, и печатному, совершенно беззащитен. Как ребенок, выросший в том же «детдоме». А что мы обрушиваем на него сегодня? Лишь один пример. Какую газету ни откроешь — «голода», «голода», «голода»... Помните ли журналисты, что это слово означает для Ленинградцев? Надо же думать о последствиях раздуваемого психоза... Да и нам, на «Ленфильме», о подобном забывать не стоит...

— Кстати, о «Ленфильме»: не собираетесь ли изменить название киносоединения?

— А зачем? Никто в мире не ассоциирует первую половину слова: «Ленфильм» с Ленинским. Это — товарная марка, за которой — много достойных картин, получивших признание за пределами нашей страны. Вообще традиции «Ленфильма» надо беречь, его атмосферу сохранить, хотя сделать это трудно, потому что ленфильмовцы уже разбились на кучки, на группочки. Развалить «Ленфильм» — преступление, такое же, как, допустим, развалить Публичку, Маринку, Эрмитаж... Все-таки в лучших своих работах ленфильмовцы всегда тяготели к исследованию человека, а это — главное, для чего искусство существует...

— Виталий Вячеславович, я слышал, что в Москву учиться на кинорежиссера вы приехали буквально из глухой тайги, но — с золотой медалью...

— Медаль я заслужил, но не получил, так как в наших глухих таежных местах тогда, в сорок пятом (медалью только-только ввели), ее не оказывали. И фирменного бланка «Аттестата зрелости» там тоже

не было. Выдали мне «Аттестат зрелости» на тетрадном листе, в клеточку, указали, что награжден золотой медалью, заверили печатью — и порядок...

— Значит, с детства мечтали о кино!

— Да не так вовсе... Жил на Дальнем Востоке. Отец был лесничим, его забрали в тридцать седьмом (через год расстреляли). Следователь, который вел дело отца, посоветовал маме срочно уехать. Отправились в Омск, к родне, а там, оказывается, дед уже расстрелян, остальных выслали на север. Мама не стала дожидаться, когда придут за нами, — и двинулись мы сами туда, где уже мыкались наши сибирские родственники. Поселок в тайге назывался весьма характерно — Перековка...

— Какой страшный автобиографический фильм можно снять...

— Сколько их, подобных, уже сделано... И как все это понять какому-нибудь нынешнему мальчишке, ну хотя бы вот такое: я же знал, что у меня расстреляны и отец, и дед, и все-таки кричал: «Да здравствует Сталин!» Поразительно! Какой-то морок... Ну а в сорок пятом сел на паром и по Иртышу, по Тоболу, по Туре дней за десять добрался до Тюмени. Чтобы ехать из наших «закранных» краев в столицу, требовался пропуск. Пришел в обком комсомола: «Хочу в Москву, а пропуска нет». Те так растерялись от моей «первобытности», что помогли... И потом, во ВГИКе, этой своей «первобытностью» я, видно, тоже всех потряс. Как раз в это время в киносекторе носились с идеей «чистого листа», которая, кажется, принадлежала Сергею Эйзенштейну: мол, принимать надо таких абитуриентов, которые совсем ничего не знают, из кого мастер может вылепить именно то, что ему нужно. А тут как раз я подвинулся. В приемной комиссии — Юткевич, Пудовкин, Довженко, Эйзенштейн, а я — ну никого не знаю! Фамилию «Эйзенштейн» вообще слышу впервые... Комиссия была потрясена: «Такого уникального надо брать немедленно!»

— Что ж, они не промахнулись... Так о чем же, Виталий Вячеславович, все-таки следующая лента, шестнадцатая «с половиной»?

— Все-таки хочу продолжить затею с циклом из истории Руси — снять фильм о царе Алексее, по Мережковскому. Ведь наши представления об этом человеке, сложившиеся после известного романа и фильма, от действительности далеки невероятно. Сам Петр называл сына одним из умнейших и талантливейших людей, всячески старался втянуть в свою созидательную работу. По нынешним понятиям — Алексей был хиппи, против насилия, протестовал, способам, от насилия далеки. Понимал все прекрасно. Когда его насильно женили на нелюбимой немецкой... процессе, когда стали заговаривать в эти голландские рамки, Алексей уже всю деятельность отца оценил по-другому. И гибель его (независимо от того, прав или не прав) была предопределена: только потому, что — сын Петра, только потому, что — наследник. Он был обречен — ведь к нему липли все, что выступал против Петра, делали Алексея, помню его волн, своим знаменем. Да, одна из самых трагических фигур российской истории: и отец, и сын осознавали, что гибель сына — благо для России, что это — тупик, из которого выхода нет...